

Посвящается моей маме

*...Знаешь, города, как и пироги,
ценятся своей серединкой.*

Дуна взобралась на верхушку самой высокой крыши, а Иллиг все ворочался и вздыхал: больная ступня никак не желала униматься. Обычно стоило ее подержать вечером в холодном ручье, и она затихала на всю ночь. Но в этот раз особенно разнылась и не поддавалась на обещание носить в дождь башмаки и перед сном чесать пятки о выступ очага. Мучения Иллига прервал осторожный шорох в углу. Крыса! Сорвав с головы колпак, мальчик запустил им в угол.

— Спаси меня Дла! — прошептал чей-то голосок тише, чем прошелестел упавший колпак.

Иллиг сперва решил, что ему почудилось. Но «спаси меня Дла!» повторилось и прозвучало громче и отчаянней. Ах, если бы Иллиг имел привычку думать, перед тем как действовать, он мог бы избежать многих неприятностей! Ведь любой знает, что нет ничего хуже, чем услышать «спаси меня Дла!» в собственном доме — так говорят только зловредные существа глубоко под землей: там-то Дла в большом почете, даже червяки дождевые клянутся его именем. И если уж такое существо прокралось в дом, то верное средство избежать беды — прикинуться мертвым или, на худой конец, спящим. Если бы Иллиг не так спешил, он вспомнил бы это нехитрое правило, но спешил он, увы, частенько, можно сказать, постоянно. Медлил он только утром, когда надо было вставать и раздувать угли в очаге.

Иллиг вскочил, кинулся в угол и в тот же миг с грохотом свалился, споткнувшись о неведомое существо, которое готовилось произнести свое восклицание в третий раз. Вместо восклицания получилось задавленное кряхтенье. Мальчик вытащил из-под себя брыкающегося незнакомца и поднес его к окну. С улицы внутрь тарщицалась любопытная луна, словно и ей хотелось внимательней разглядеть маленького гостя.

Впрочем, разглядеть его было весьма непросто: он так извивался, что походил скорее на большую рыбину, чем на человека. Иллиг не отпускал его и сжимал все крепче и крепче, хотя тот искусал ему все пальцы. И скоро пленник выбился из сил и притих, фыркая и не сводя со своего мучителя сердитого взгляда.

Но Иллиг нисколько его не боялся: незнакомец был мельче самого маленького мальчишки в Саггохе. И только по бороде можно было понять, что это не озорник с соседней улицы, а... кто же?

— Ты кто?

Пленник не отвечал, только недобро посверкивал черными глазами из-под широких, как беличьи хвосты, бровей и сопел в бороду. Видать, отбился от своих братьев-шагачей — тех, что шастают по ночам и весело постукивают крохотными башмачками; тут подметут, там подлатают. Очень толковый народец! А Иллигу еще такой крупный экземпляр попался, и сильнющий! Если такого приручить, то можно и работу потяжелее доверить — не то что стряпать да пуговицы пришивать, но и кожи мять, и огромные чаны чистить, и шерстяник собирать осенью, а весной — прутки ивы.

— Чего молчишь? Ты, наверное, из шагачей?

Пленник фыркнул.

— А кто же тогда?

— А сам-то ты кто? — проскрипел незнакомец, и голосок его был похож на воронье карканье.

— Иллиг, сын кожевенника. А ты?

— Сперва поставь меня на ноги. Думаешь, приятно болтаться тут, как белье на ветру?

— Пообещай только, что не убежишь.

— Убегу? — Незнакомец покачал косматой головой и буркнул в бороду: — Этого ты не дождешься! Меня теперь и силой отсюда не выставить!

Иллиг опустил его на пол, прямо на лунную дорожку, рассекавшую комнату надвое. Коротышка не спеша оправился, разгладил брови и бороду, мрачно усмехнулся и проговорил почти торжественно:

— Сын кожевенника, жаль, что приходится отступать от правил, но я не вижу здесь решительно никого, кто мог бы представить нас друг другу. Поэтому придется... А впрочем, не подождать ли нам случая поудобней, а пока — лечь спать?..

Он взглянул на мальчика и смягчился.

— Ладно, вижу, про этикет тут не слыхали... Знай же, что ты видишь перед собой верного слугу королевы Арцеи. Она очень дорожит мною, ведь я один заменяю целый штат прислуги. Думаешь, кто ранним утром спешит на луг, чтобы собрать росу для умывания ее величества? Кто по утрам будит нерадивых слуг, а вечером укладывает их спать? Кто на ночь поет колыбельные нашей королеве? Кто вышивает для нее платки и перчатки?

Коротышка вновь погладил бороду и важно поклонился в сторону. Иллиг взглянул туда, ожидая увидеть еще какого-нибудь гостя, но кроме каменной стены там ничего не было.

— Да, порой бывает нелегко, ведь я еще единственный помощник стольничего, хранитель салфеток и простыней, первый пробоваватель всех блюд, считальщик и разносильщик тарелок-ложек, надсмотрщик над вертельщиками вертелов и главный раздатчик затрепцин и тумачков ленивым поварьятам!

Иллиг восхищенно покачал головой, хотя ничего не понял.

— Что до моего имени, — продолжал маленький гость, — тебе его знать ни к чему. Лучше называй меня Шин, так в шутку придумали мои друзья.

— Шин, — повторил мальчик осторожно. — Не знал, что бывают такие имена. А что ты здесь делаешь?

— Что я здесь делаю? — фыркнул коротышка. — С тобой разговариваю, как видишь!

— Нет, я хотел узнать, зачем ты пришел?

— Да так, из любопытства... Хотел взглянуть, как люди умудряются жить в этих каменных скорлупках. И почему так темно?

— А разве темно? Луна вон всю светит.

— Луна! — ухмыльнулся гость. — Вот у нас всегда столько огней, что не счесть — как звезд на небе.

— А зачем? Разве вы не ложитесь спать? И где берете столько свечей?

— Одни вопросы! Если на каждый отвечать, так мы и до утра не управимся. А мне бы вздремнуть, весь день на ногах...

С этими словами Шин зевнул, присел на край подстилки и принялся стаскивать с себя башмачки.

— Значит, ты хочешь уснуть прямо здесь, на моем месте?

— А разве есть место получше? — Коротышка с надеждой оглядел темную комнату.

— Да нет, — смутился Иллиг, — ложись здесь, поместимся.

— А-а, у вас принято спать всем вместе? — догадался Шин. — Кажется, мне рассказывали, что под одним одеялом тут порой можно насчитать два десятка пятков.

— А у вас как спят?

— Ну... У каждого своя постелька. Или даже своя комнатка... Но я, конечно, не имею в виду всякий сброд, который спит где придется.

Он снова зевнул и устроился на подстилке у самой стены. А Иллиг лег с краю, высунув больную ногу из-под одеяла, чтобы лунный свет хорошенько охладил ее. Ему никак не спалось и все думалось о странном маленьком госте и о волшебной стране, из которой он явился.

А когда он проснулся утром, то начисто забыл о том, что случилось вечером. Да и думать об этом у него не было времени. В Саггохе мальчишкам вовсе не приходится маяться от безделья. Они помогают по дому, пасут стадо или обучаются ремеслу у родителей. Тычки и затрецины они принимают почти с благодарностью — как плату за свою работу.

Теперь дни становились все прохладнее, поэтому у Иллига работы хватало. Надо было помочь отцу вытащить остатки кожи из сарая, чтобы подготовить место для будущей партии, а из остатковшить всякого по мелочи.

Хунта, отец Иллига, был искусным кожевенником. Пускай на заднем дворе у него скверно пахло — ведь там в чанах квасились кожи, — зато какими мягкими они получались! В Саггохе редко встретишь льняное полотно, из которого шьют себе крестьяне в долине, а тонкие городские ткани и вовсе в диковинку, здесь привыкли к коже и шерсти.

Проработав до темноты, отец и сын не сделали и половины дела. Ужинать пришлось под бурчание матери — она злилась, что приходится жечь свечу, когда все давно должны спать. Едва миски опустели, она погасила огонь, и до своего закутка Иллигу пришлось добираться впотьмах.

Улегшись на тюфяке, он закрыл глаза, но тут же вспомнил про больную ступню и осторожно выставил ее на холодный пол. И только приготовился зевнуть, как вдруг подпрыгнул от неожиданности: кто-то пощекотал его за голую пятку. Он насторожился, но тут же получил щелчок по носу.

